

ВЕДЬМА

Антонина Глушко

Настя не подозревает, что она ведьма. Лишь став взрослой осознает свое необычное состояние, когда ей лишь одним желанием удастся вернуть несчастной матери ее свихнувшего сына.

А желание занять собственное с мужем жилье, превращается в реальность.

Колдовство ей, совсем ребенку, передала ее бабушка, считавшаяся в деревне ведьмой, накануне своей смерти.

Обладая колдовством, Настя жестоко мстит негодяю, хитростью завладевшему планом захоронения золота, принадлежащему их семье, и погубившему ее мужа.

Бабушка не только передает Насте свое ведьмачество, но и лишает внучку возможности стать матерью, чем делает женщину глубоко несчастной.

Обладая колдовством, Настя вызывает тень бабушки, и пробует с ней договориться.

Антонина Глушко

ВЕДЬМА

Вселенная не только загадочнее, чем мы себе представляем, но и загадочнее, чем мы можем представить.

Холдейн

ПРОЛОГ

...Сынок, Проша, сегодня тебе исполнилось три года. Я решил написать тебе это письмо. Когда ты станешь взрослым, прочтешь его и сам решишь, как поступить с тем, о чем я тебе поведу. В 1918 году, меня, еще не достигшего двадцати годков забрили в белую армию Колчака. В то время по молодости и малограмотности я не понимал, кто такие белые, красные, и не разбирался, кто и за что воюет.

Привезли нас в Уфу и приставили охранять деревянные склады. Как потом мы узнали, там хранится золото. Но мне было все равно, что охранять. В ту пору я был нелюбопытен, не до того было. Несколько раз нам, охранникам, отдавали

приказы, и мы грузили тяжелые ящики на телеги и везли на железную дорогу.

Так мы мотались до февраля 1920 года, когда Колчак передал власть Деникину. И вновь поступил приказ готовить телеги для переброски золота. Куда? Нам не сказали. Да мы и не интересовались. Это была очень тяжелая работа: погрузка ящиков на телеги, передвижение по ухабистым дорогам, потом разгрузка, снова погрузка в вагоны. Это изматывало наши силы.

Однажды нас подняли глубокой ночью. Во дворе уже стояли три груженных подводы, с уложенными на них ящиками с золотом. Мы еще подивились, что нас не погнали на погрузку. Кто-то другой сделал за нас нашу работу. Поступил приказ, что группа в составе двенадцати человек, в том числе и я, отправляется сопровождать и охранять груз, а какой, нам не сказали. Да мы сами догадались по знакомым ящикам на телегах. Главным в сопровождении был назначен Гдальский, мужик замкнутый, неразговорчивый, с суровым обличем.

В пути мы узнали, что груз везем на станцию Уда, это в Иркутской области. Однако попасть туда нам не удалось. Наш дозорный, смотавшись в железнодорожный поселок, доложил: станция захвачена красными, белых расстреливают, все их имущество конфискуют, то есть забирают.

Гданьский не ожидал такого расклада, и не знал, как действовать дальше. Он сидел на земле, привалившись к дереву спиной, и думал. Мы понимали, что попали в безвыходную ситуацию.

Наконец наш голова встал, отряхнулся от хвоинок, и отдал приказ двигаться дальше. Куда? Мы не спрашивали. Потом мы шли и шли. А лучше сказать тащились. Почти два года мы добирались до Хабаровского края. Да и неудивительно, зимой отсиживались либо в глухих поселениях таежных аборигенов, либо на зимовьях. Из двенадцати охранников нас остались всего четверо: я, как самый молодой и выносливый, Гданьский, как самый упорный и двое мужиков. Остальные погибли, не вынеся дорожных тягот.

Лошади наши падали в дороге. Мы заменяли их, покупая у поселян. Благо, как я понял, у главного денег было вдосталь. Видать помимо золота он вез и деньги. Каждый раз, просыпаясь на привалах, утром я обнаруживал, что ящиков с золотом становилось все меньше. Да и неудивительно. На себе тащить тяжелый груз нереально, а покупать лошадей становилось все труднее.

Едва живые мы доползли до поселка Гвасюги, что в Хабаровском крае, но в сам поселок не рискнули заходить. Остановились на берегу широкой реки Хор. Перебраться через нее, мы уже

не имели ни возможности, ни сил. Вдобавок ко всему, заболевшего неизвестной болезнью охранника вынуждены были везти на телеге вместе с золотом, которого осталось всего два ящика.

Весь путь мы шли пешком, понимая — погибнет лошадь, вынуждены будем бросить и телегу, и золото. Куда мы его везли, никто не знал, да и сил не было об этом думать. На привале мы похоронили заболевшего охранника. А утром обнаружили мертвым и второго. Осталось нас двое: я и Гдальский.

— Все, мне кранты, больше не могу, — заявил главный, с трудом втягивая воздух. Я стал замечать за ним, что в последнее время он все чаще кашлял с надрывами и хрипами. Кожа его пожелтела. Он сидел, привалившись спиной к стволу дерева, и растирал рукою грудь.

— Видать скоро подохну, — сказал он, не поворачивая ко мне головы. — Я знаю, у меня чахотка. Не дотяну.

Что такое чахотка в то время я не знал, и не хотел, чтобы он умирал, тогда я останусь совсем один. Я не готов был к этому.

— Фрол, — все так же, не глядя в мою сторону, сказал Гдальский. — Ты выкопай яму, и зарой в ней ящики. Приметь место. Если выживешь, то сможешь когда-нибудь забрать их. А я уже не жилец.

Я стал возражать, что он не помрет — мне до слез стало жалко его. Но он прервал меня и сказал:

— Слушай и не перебивай. Тебе надо пробираться к железной дороге. А путь здесь один — по реке. Здесь идет сплав леса. Прибейся к сплавщикам, скажи, что потерялся в тайге. Народ здесь незлобивый, я знаю, — тихо, словно сам себе говорил он. — Доберешься до Дормидонтовки, это железнодорожная станция. Большие поезда там проносятся мимо, а рабочие останавливаются.

Откуда он все это знал, мне неизвестно. Видать, был из дальневосточников, потому и вел нас по таежным тропам уверенно, обходя поселки и селения.

— Мой тебе совет, — продолжал он, — Не возвращайся домой, в Сибирь, там тебя пустят в расход, как белогвардейца, да и семью твою не пожалеют. Езжай на Восток. Затеряйся. В нынешней неразберихе поменяй фамилию. Вот тебе мой наказ, — тихо сказал он и попросил пить.

На утро я обнаружил его застывшим. Я похоронил его, закопал золото, приметил место, как советовал Гдальский, столкнул телегу с обрыва в реку. Впервые за весь путь я ехал верхом, а не шел за телегой. Лошадка принесла меня к берегу, на котором у костра сидели сплавщики. Вот, сынок, и все, что я хотел тебе поведать. Вкладываю отдельный листок, вроде рисунка и приметы места,

где я закопал золото. Если у тебя хватит сил, и возможностей можешь его забрать. На это тебе мое родительское благословление».

Далее в письме Фрола Прокопьевича Пепеляева шли пожелания сыну и житейские наставления.

НАСТЯ

— Настена, подойди ко мне, — позвала Аграфена внучку. Девочка побаивалась своей суровой бабушки, хотя та ни единого раза не обидела ее. Но и не приласкала. Относилась к ней, словно та была не более домашнего предмета.

Своего деда Фрола, бородатого, высокого мужика, похожего на таежного лешего Настя любила. С нею он был ласков, возвращаясь из тайги, либо с рыбалки обязательно приносил ей гостинец. Была ли то маленькая птичка, попавшаяся в дедов силок, либо забавная рыбка специально для нее посаженная в баночку с водой. Настена долго играла с подарками, а потом рыбку относила к речке и выпускала в воду, а птичку подкормив, отпускала тут же во дворе.

Глупая пичуга не спешила покидать место своего пленения — усаживалась на колышек тына и принималась чирикать. Девочка считала, что птичка благодарит ее за угощение, и прощается с ней. Об

этом она рассказывала своему деду, сидя с ним рядышком на ступеньках крыльца, когда тот отдыхал после трудового дня.

— У тебя, Настенка, доброе сердечко, хотя еще и крохотное. — В ту пору девочке едва исполнилось пять лет.

Но два года, как деда не стало. На валке леса его придавило деревом, удар пришелся в голову, Фрол умер на месте.

— Легкая смерть, — констатировала суровая Настина бабка, супруга Фрола, не проронив ни единой слезинки. Настя плакала навзрыд.

Деда похоронили, и Настена осиротела. Родители работали в леспромхозе на далеких делянках, там и жили. Домой навевывались нечасто. От силы два-три раза за сезон. Росла и воспитывалась девочка у деда с бабкой. Теперь она осталась наедине с суровой старухой.

Родители Насти приезжали на дедовы похороны.

— Мам, до окончания нашего договора с леспромхозом остался всего месяц. Получим расчетные и вернемся. Буду работать на местной лесопилке. Да и вам одним будет трудно жить без деда, — сказал Прохор, Настин тятька, после того, как последние люди покинули поминальное застолье.

— Да пора бы. Скоро умирать буду, с кем

останется девчонка, — проворчала Аграфена, моя в тазу грязную посуду, которую подносила, собирая со стола, Дарья, ее невестка.

— Мам, что ты такое говоришь? О какой смерти? — запротестовал сын, по его мнению, вполне крепкой на вид матери.

— Ладно, не тебе судить о моей смерти, — как всегда сурово попеняла она сыну.

Отметив девять поминальных дней, Пепеляев Прохор Фролович с женой Дарьей Емельяновной отбыли на далекую леспромхозовскую делянку. Девочка осталась наедине со своей суровой бабкой.

АГРАФЕНА

Двадцатидвухлетний Фрол Прокопьевич Пепеляев прислушался к советам умирающего Гданьского. Не стал возвращаться на Родину в Омскую губернию, а решил отправиться на Восток.

Сплавщики накормили парня, и, пошарив по кошмам, снабдили его деньгами, которых едва хватило, чтобы добраться до Губерова. На перроне хозяйничал 1922 год. Хаос, не приведи Господи. Пачками шныряли какие-то военные, бегали люди с мешками. Охрипшими голосами кричали командиры: «Стройся».

Однако Фрол уже наслушался подобных команд. Юркнул в толпу то ли нанайцев, то ли

якутов, грузивших на подводы пузатые мешки, набитые чем-то легким и объемным. Схватив мешок, понес его к телеге, тут же вернулся назад, взял второй. Он нагружал одну подводу за другой вместе с нанайцами, пока ни единого мешка не осталось на платформе.

— Однако, молодец, умеешь работать, — похлопал по плечу кривоногий абориген, улыбаясь щербатым ртом. — Айда с нами, — предложил нанаяец.

— А можно?

— Почему нельзя? Забирайся на мешки, и айда. Умеешь править лошадьёю?

— Еще как! — обрадовался Фрол. Он не надеялся, на такую удачу. В лучшем случае его мог замести военный патруль. А это снова война неизвестно с кем.

Обоз двигался медленно, передние подводы въехали в какое-то селение, когда солнце уже клонилось к горизонту. Потом Фрол узнает, что поселок называется Таежное урочище, и что живут в нем в основном аборигены, сейчас называют их малой народностью. Кто из них кто, Фрол не задавался исследовательской целью. Попервости аборигены для него были все до единого на одно лицо. Это потом он станет различать их, а пока...

— Хочешь у меня работать? — спросил тот, кто предложил ему управлять лошадьёю.

— Хочу. А что делать?

— Я хозяин поселка, дел много, однако. Пасти скот, убирать в сараях, доить коров.

Фрол удивился тогда, надо же якут, или, кто он нанаец, а содержит двор и скотину. Но не стал высказывать своего удивления, согласился. Урочище жило своей таежной жизнью, словно на луне. Война его не касалась. Красные, белые не шныряли по дворам, выгоняя народ на митинги. Здесь время, словно остановилось.

Фрол работал, отдыхая душой и телом. Его никто не обижал. Работа у «хозяина» на его взгляд нетяжелая. Не сравнима с тасканием неподъемных ящичков с золотом. Постепенно стали забываться охранная служба в армии Колчака, и почти двухгодичный, кошмарный путь по непролазной тайге с Деникинским золотом, закончившийся гибелью людей.

В поселке Фрол прожил почти шесть лет. За это время успел жениться на русской девушке Аграфене, хмурой и неулыбчивой девке, на восемь лет старше его. Да о чем рассуждать? Выбора невест в поселке не было. Зато была выгода. Батка невесты в то время работал в Губерово председателем сельсовета, где к тому времени установилась советская власть.

Тесть выправил для него документы на Фрола Прокопьевича Пепеляева, хотя его истинная

фамилия была Зародько. Малый запомнил наставление Гдальского. С новоявленными родственниками держал язык за зубами, не стал откровенничать и о смене фамилии, как и о своей принадлежности к Деникинской армии.

А вот имя и отчество Фрол оставил подлинные. Не решился отречься от родного тятки, и собственного наречения. С помощью все того же Аграфенового родителя, молодые перебрались из захудалого нанайского поселения в русскую деревню Новопокровка. Где посеял день и проживает его семья, его супружница Аграфена, да внучка Настя, правда уже без него.

— Подойди, Настёна, — повторила Аграфена более приветливым голосом, видя, что та не решается приблизиться к ней. — Ты не бойся меня. Я хочу, чтобы ты была не такой, как все, а умела управлять людьми, как тебе заблагорассудится, — говорила старуха девочке, не понимавшей ни единого ее слова. — Иди, иди поближе, — подзывала она Настю, когда та, было, двинулась к ней, да не доходя до бабки, остановилась.

Аграфена привстала с лавки, на которой сидела, притянула к себе внучку, и, зажав ее между колен, принялась ладонями сдавливать девочке голову.

Уставясь в Настины глаза, старуха бормотала непонятные слова. Девочку охватила слабость, ей

захотелось спать. Настена едва держалась на ногах. И только сжатые бабкины коленки, не позволяли свалиться ей на пол. Аграфена, круговыми движениями продолжала массировать голову внучки, словно втирая в нее свой бубнеж.

Настя очнулась, вернее, проснулась, когда за окном уже было светло.

— Вставай, — сказала ей Аграфена, входя в комнату. — Иди встречай родителей, вон, пришел автобус.

Настя молнией схватилась с кровати, оделась и пулей выскочила на крыльцо. От автобусной остановки навстречу ей шли улыбаясь, ее родненькие: мамка с тятькой. Девочка кинулась к родителям. Воспоминания от вчерашнего бабкиного шептания у Насти не осталось и следа. Не помнила она и того, как очутилась в кровати раздетой, и укрытой одеялом. Родители вернулись навсегда.

После радостных приветствий, и вкусной еды, лежа в постели, Настя вслушивалась в тихие голоса родителей и бабушки Аграфены. Оттого, что наконец-то тятька с мамкой вернулись домой, Настя уснула счастливой.

— Ну что же, вот я вас и дождалась, — начала разговор Аграфена, когда стол был убран, а посуда перемыта, вытерта и поставлена на место. — Завтра я умру. Не перебивайте, — на протесты сына с

невесткой, строго сказала старуха. — Дарья, мое смертное будет лежать на табуретке, рядом с моей кроватью. Остальное, что делать, сами знаете, не маленькие, — как всегда сурово, подытожила Аграфена.

Сын с невесткой сидели, будто пришибленные. У Дарьи вовсе некстати мелькнула мысль: «Ведьмы умирают трудно», — об этом она слышала от деревенских баб. Когда те меж собою шептались, будто ее свекровь ведьма. Однако, Даша только посмеивалась. Она не верила бабьим сказкам. Но когда в ночь под Рождество зашла на кухню, чтобы попить воды, увидела такое, отчего решила, что у нее поехала крыша. У печи, спиной к ней стояла ее свекровь.

Волосы, которые Аграфена всегда тщательно зачесывала к затылку, и постоянно собирала в тугой пучок, были распущены по плечам. Сморщенные старческие руки, поднятые к потолку, и согнутые в локтях, напоминали крылья облезлой курицы. Растопыренные пальцы беспрерывно шевелились, словно прями невидимую пряжу.

Далее произошло то, в чем Дарья ни под какими пытками не признается, дабы не оказаться в психушке. То ли вскрикнув, то ли всхлипнув, Аграфена скакнула к загнетке, и белесым туманом заструилась в печную трубу. В кухне потянуло холодом. Даша кинулась назад, в комнату. Наутро

она постаралась выкинуть из головы пригрезившееся ей на кухне ночное видение.

Однако, сомнения остались. А вдруг ее свекровь действительно ведьма?

ДАРЬИНЫ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Дарья не задумывалась, почему Аграфену время от времени навещали чужие люди, причем не только Новопокровские, но и с других деревень.

В основном это были женщины. Старуха заводила их в свою комнату, и плотно притворяла за собой дверь. Невестка относилась к этому с пониманием. Свекровь — хозяйка дома, кого хочет того и привечает.

Как-то возвращалась Даша с работы домой. За нею увязалась Кларка Трошина ее товарка и напарница по работе. Молодые женщины вкалывали в колхозной столовой кухработницами.

Подружки тут же принялись болтать, о чем не попадя. В основном молотила языком Кларка. Неожиданно болтушка выключила словесный фонтан, и, повернувшись к подруге, брякнула:

— Хочешь, Даш, расскажу, чего когда-то наколдовала мне твоя свекровь?

— ??? — выпучилась та на подругу.

— А ты, что не знала, что твоя свекровь ведьма?

— ???

— Нет, вы посмотрите на нее! Вся деревня об этом знает, а она не знает. Хотя, конечно, ты же не из местных.

— Да о чем ты толкуешь? — обиделась за родственницу молодца.

— Ой, умора! — закатилась со смеху Кларка, неутомимая оптимистка и хохотушка.

Даша тогда даже рассердилась на подругу. Ей вовсе не хотелось слушать глупости о своей свекрови. Та ничего дурного Даше не делала. С Прохором не разводила, не пилила за каждую мелочь, а что суровата по натуре, так не всем же быть такими развеселыми, как Кларка-хохотунья.

— Ты или толком растолкуешь, откуда тебе об этом известно, или я обижусь на тебя за наговоры, — серьезно потребовала Дарья ответа.

— Наговоры! Наговоры! Ой, не могу! — замахала Кларка руками. — Да я сама к ней ходила, чтобы она наколдовала мне хорошую жизнь. Вот об этом самом я тебе и толкую.

— Что-то я не припомню, чтобы ты ошивалась у нас в доме, — пробурчала недовольная Дарья.

— Так это же было, еще до тебя, ну до твоей свадьбы. Фрол и твой Прохор работали в то время на далеких леспромхозовских делянках, а бабка Аграфена жила дома одна. Всей деревни известно,

что мой паскуда Мирон не просыхает от выпивки. Уже сколько раз предупреждали на работе: не бросишь пить, уволим. Давал слово, неделю-другую не пил, и снова принимался за старое. Не выгоняли только потому, что считался в бригаде лучшим сплавщиком. Давно уже сам мог стать бригадиром, зараза. — Отходя от колдовской темы, возмущалась Кларка на мужа пьянчужку. — Голова, руки золотые, как говорит о нем начальник, а глотка поганая.

Кларка, наклонилась в сторону придорожного бурьяна, выдернула будылину полыни, поднесла травину к носу, и понюхала.

— Не знаю почему, но мне сильно нравится этот запах, — с какой-то теплотой в голосе сказала молодая женщина, и, похлопав себя по ноге сорняком, продолжила:

— Так вот. Поселковые бабы посоветовали: дескать, сходи-ка ты к Аграфене, можа она отколдует от пьянства твоего мужика. Я тогда знала, что твоя свекровь ведьма, но как-то все не решалась сбегать к ней. Мирон к тому времени окончательно достал меня своими пьянками. Я, возьми, да и сходи к ведьме, — и Кларка снова закатилась смехом. Даша смотрела на нее, как на дурочку.

— Ну и что, перестал пить?

— Не-а, зараза, не перестал! Но бабка,

наговорила мне такого, от чего я, Даш, до сих пор сама не своя!

Клара, вдруг замолчала, вздохнула, и с мечтательной расслабленностью на лице, унеслась красивыми глазами за далекий горизонт.

— И от чего это ты млеешь? — отвортила Даша подругу от горизонта.

— О, подруга! Ты тоже сомлела бы, услышь про себя такое!

— Чего же она тебе такого наговорила? — стала заводиться спокойная Даша.

— У-у-у! — Кларка, оживилась. Как-то по-девчоночьи весело вертанулась на одной ноге, и наклонив голову к товарке, принялась захлеб рассказывать о своей встрече с ведьмой, словно песню запела.

— Ну, пришла я к ней. Провела она меня к себе в комнату...

Далее встреча Кларки с Ведьмой, дается в так называемом, стенографическом изложении.

— Садись, — сказала бабка. — Как твое имя?

Молодица так и вылупилась на нее. Здравствуйте, по десять раз на дню сталкиваются то в магазине, то у колодца, а тут: как твое имя.

— Клара, — оробев, промямлина та.

— С какой болячкой пожаловала ко мне, Клара? — ошаршила колдунья просительницу.

— Да у меня одна болячка: мой пьющий

мужик. Как бы мне его отворотить от поганого зелья. Последнее время не только напивается, как свинья, так еще и на меня с кулаками стал кидаться. Правда, я его пару раз отходила алюминиевой сковородкой по горбьяке, приутих маленько. Но ведь не будешь же постоянно драться с ним, да и жалко козла.

— Ты любишь Мирона? — глядя прямо в Кларкины глаза, задала ей провокационный вопрос колдунья.

Молодая женщина растерялась. Она, как-то не задумывалась, любит своего паразита или нет.

Видать просто привыкла к нему, как привыкают к старой изношенной мебели, ботинкам с потертыми носами, либо дырявому тазу, в котором хозяйка готовит курам мешанку. Вроде бы надо выбросить рухлядь, а расстаться жалко.

Так и у Кларки с Мироном. Сколько раз ей советовали бабы выгнать паразита. Ну, выгонит она его, а что толку? Напьется и будет, козел, ломиться в двери. Проку от такого выгоняния никакого, а позору на всю деревню. Да и не одна она такая. Сплошь да рядом запойные мужики. Вот и живет, терпит, пока не надоумили добрые люди сходить к ведьме. Говорят, помогает.

— Не знаю. Все так живут, — растерянно промямлила клиентка.

— Положи сюда руку ладонью кверху. —

Аграфена расстелила на столе перед ней кусочек рябой ткани, не больше носового платка. Кларка с опаской протянула руку. — Не бойся, а то наговор не подействует.

Колдунья провела указательным пальцем, по Кларкиной ладони, и, впившись пронзительными зенками в глаза молодницы, забубнила, а чего не разобрать. Поболтав некоторое время, дернула к себе рябый лоскут, и заговорила.

— Ты скоро отправишься в дорогу, но не дальнюю. К близкой родственнице. — «Правильно, собираюсь поехать к тетке, помочь той по огороду», — подумала страждущая. — Но тебе в этом будет противодействовать твой Мирон. — «Пусть только попробует, козел. Хоть отдохну от его пьяной хари». — Там ты встретишь молодого, красивого, а главное богатого мужика.

— Кларка так и ахнула. Откуда взяться в задрипанной теткиной деревне молодому, а главное, богатому мужику. Да и кому она нужна зачуханая чувырла, горько подумала о себе молодая женщина.

Видать Кларка давно не подходила к зеркалу. Все недосуг. Да и для кого и перед кем, откровенно говоря, ей прихорашиваться? Для столовской посуды? Или перед залитыми Мироновскими зенками?

Если честно, молодница была что надо. Только

причесать бы ее густые русые волосы, да накинуть прозрачную кофточку на гладкие роскошные плечи, полуприкрыв по-девичьи пышную грудь. А стати молодой не занимать. Где ты росла, девка? На каком навозном подворье распустилась твоя пышная красота русской красавицы? Однако с подобной философией посудомойка из местной столовой, с редким именем Клара, была не знакома.

— Вы полюбите друг друга, — продолжала ведьма плести сладкую канитель, не отпуская Кларкиных глаз. — Ты выйдешь за него замуж. — Аграфена окончательно околдовала молодницу медовыми речами, зашуганную беспробудными пьянками непутевого мужика, грязной столовской посудой, и вечной нуждой.

— Вы уедете с ним далеко отсюда, к большому морю. Но тебе, чтобы соединиться с ним, придется преодолеть много препятствий. На пути у тебя будет стоять твой мужик. Он категорически откажется дать тебе развод. Но твой возлюбленный даст много денег кому-то, кто сумеет поладить с Мироном. Вам придется с возлюбленным пережить много волнений. Но вы будете вместе. Проживете долгую счастливую жизнь. У вас родятся двое детей. Сын и дочка.

Кларка разомлела от сладких речей колдуньи настолько, что на ее глаза навернулись слезы. Она была не глупой женщиной, хотя и замотанной

горькой судьбой. Понимала, все сказанное старухой, лишь сказочная придумка, за нее-то, по мнению Клары, и платят Аграфене деньги, те, кто верит ей.

Молодая женщина не пожалела, что пришла к ведьме, ни о тех деньгах, что заплатила за колдовство. Колдунья провела ее по волшебной стране, название которой: ЗАВЕТНАЯ ЖЕНСКАЯ МЕЧТА.

— Бабушка, ты мне все это просто так рассказала, или хотела меня порадовать? — без осуждения, задала Клара робкий вопрос колдунье.

— Я лишь открыла твою дальнейшую судьбу. А судьба неподкупна, — с достоинством произнесла суровая старуха. — Ты ведь за этим приходила ко мне?

— Да... то есть... нет. В общем, я хотела, чтобы мой коз..., ну Мирон бросил пить, — заикаясь, проблеяла Кларка. Ей не хотелось расставаться с придуманной Аграфеной сказкой, в которой, ей, поселковой Золушке, ведьмой отведена роль будущей принцессы.

— Мирона не исправишь. Так уж у него на роду написано, сгинуть от зелья, — твердо заявила старуха. — Тебе не стоит тратить на него свои несчастные копейки. Купи лучше на них в сельпо ситчика себе на платье, — вроде как с насмешкой посоветовала Аграфена. — А вот за предсказанную

твою судьбу заплатишь мне деньги, — Она назвала сумму, ниже той, что ожидала услышать Кларка.

Молодица брела по поселку, не разбирая дороги. С одной стороны вроде бы получила от колдуньи предсказание, в которое, конечно же, она не поверила. С другой — заплатила деньги, хотя и небольшие, но не получила того, ради чего шла к ней: то есть за избавлением мужика от запоев. Однако, Кларка не жалела о затратах.

С этого самого дня ей вроде бы стало легче переносить тяготы серых будней. Ведьма заронила у нее мечту, посеяла надежду. Клара не была душой, как ни как окончила десять классов, однако, о дальнейшей учебе не могло быть и речи. У родителей четверо по лавкам на одного кормильца. Семья едва сводила концы, чтобы не подохнуть с голодухи.

После школы девчонка сразу пошла работать. Помогала матери по хозяйству, в огороде. А потом вышла замуж.

Мирон, знаменитый на весь Хабаровский леспромхоз сплавщик, был завидным женихом. Неплохим парнем. Одного не знала Кларка, выходя замуж за «неплохого парня», что тот, проводив ее до дому после свиданки, шел к друзьям и напивался. Это потом скажет свекровь на возмущение снохи о пьянстве Мирона:

— Чем же ты думала, выходя за него замуж?

— Я не знала, что он пьет.

— А я грешным делом подумывала, уж не с тобою ли он напивался. Да вот ошиблась. Жаль, что не предупредила тебя заранее, — сказала сердобольная женщина, как оказалось всю жизнь, страдавшая от подобного несчастья с Мироновым батькой, тоже сплавщиком.

Пока тот, по пьяной лавочке, управляя плотовым сплавом, не поскользнулся, и не ушел под воду. Так до сих пор и не нашли утопленника. Да где найдешь, коль плот тянулся по реке едва ли не на целую версту.

После Дашиного разговора с Кларкой, прошло больше года. За это время Дарья выносила ребенка, родила дочку Настену, и пока Прохор с батькою работали на дальних леспромхозовских делянках, жила у своей матери в Вяземском, конечно, с согласия свекрови. Та не возражала.

— Поезжай, — только и сказала Аграфена. По окончании договора с леспромхозом, Прохор смотался за женой, забрал ее вместе с ребенком, и привез обоих домой, в Новопокровку.

Дарья с нетерпением ждала встречи с Кларкой. Ей хотелось расспросить подружку о деревенских новостях, о ней самой. На следующий день молодница отправилась в колхозную столовую, где, надеясь не только повидаться с товаркою, но и прозондировать почву относительно работы. Там ей